

аб'ёмны пласт народных уяўленняў. Дадатковыя культуралагічныя значэнні слоў з'яўляюцца нацыянальна-арыентаванымі, паколькі ў кожнага народа свае сімвалы, адзнакі самабытнасці, даўгавечнасці і мудрасці.

1. Гілевіч, Н. Наканаванае : Вершы, паэмы, раман у вершах / Н. Гілевіч. – Мн.: Польша, 1998. – 462 с.

2. Гілевіч, Н. Родныя дзеці: Раман ў вершах / Н. Гілевіч. – Мн.: Маст. літ., 1985. – 192 с.

ГЕНДЕРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВОСТОЧНОБЕЛОРУССКОЙ И ЗАПАДНОРУССКОЙ УРБАНОНИМИИ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

А.М. Мезенко

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Начиная с 1980-1990-х годов XX в. в лингвистике интенсивно развивается новое направление исследований, получившее название *гендерной лингвистики*, или *лингвистической гендерологии*, основным понятием которой является *гендер*, под которым понимается специфический набор культурных характеристик, определяющих социальное поведение женщин и мужчин, их взаимоотношения между собой, или «социокультурный пол, понимаемый как конвенциональный конструкт, относительно автономный от биологического пола» [1].

К настоящему времени появился ряд работ, в которых делается попытка осмысления и описания онимной лексики, в частности урбанонимной, в связи с феноменом пола, определяются подходы к исследованию проблемы гендера в ономастике [2; 3].

Актуальность данного исследования объясняется тем, что в славянской ономастике вообще и в белорусской в частности «женские» названия улиц в сопоставительном аспекте до сих пор не выступали самостоятельным предметом изучения.

Цель исследования состоит в установлении сходств и различий репрезентации гендерной составляющей восточнобелорусской и западнорусской урбанонимии.

Материал и методы. Материалом для работы послужили данные Государственного кадастрового агентства Республики Беларусь, представляющие собой полные списки названий линейных объектов Витебской, Могилевской, Гомельской областей, и данные по урбанонимии Брянской, Псковской, Смоленской областей Республики Россия, опубликованные в статье А.Н. Соловьева «Мемориальные названия в честь женщин в западнорусской урбанонимии» [3]. Используются дескриптивный, сопоставительный методы, элементы статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Сопоставление урбанонимиконов четырех приграничных областных центров Беларуси и России (Витебска, Могилева – Смоленска, Пскова), двух средних (Полоцка – Великих Лук) и четырех малых городов (Кричева, Добруша – Дятькова, Почеп), характеризующихся близким количественным составом населения, показало, что в начале XXI в. в среднем соотношение мемориальных названий в честь женщин и в честь мужчин колеблется в восточнобелорусских городах и городских поселках от 1 : 7 (в Полоцке) до 1 : 28 (в Добруше), в западнорусских от 1 : 13 (в Пскове) до 1 : 25 (в Дятькове). Что касается размера населенного пункта, то эта примета оказывается значимой при дифференциации урбанонимиконов областных центров и средних городов, с одной стороны, и малых городов – с другой: в трех из четырех анализируемых малых городов – Кричеве (1 : 21), Добруше (1 : 28), Дятькове (1 : 25) – на один «женский» оним в среднем приходится более 20 «мужских». В четвертом из малых городов – г. Почеп – это соотношение (1 : 14) приближается к тем, что наблюдаются в центрах Псковской (1 : 13) и Смоленской (1 : 16) областей.

Приведенные данные позволяют также заключить, что доля «женских» названий среди всех индивидуальных меморативов в малых городах восточной зоны Беларуси более четко противопоставлена их доле в урбанонимиконах областных центров и средних городов.

Проблематику пола из области биологии в сферу социальной жизни, культуры и языка переводят социальные и культурные факторы, в числе которых отношение общества к мужчинам и женщинам, стереотипные представления о мужских и женских качествах. В последние годы не вызывает сомнения мысль о том, что социум, культура и ономастика как часть лексической системы языка пронизаны гендерными отношениями. Не будучи приверженцем феминистской лингвистики, следует констатировать, что как восточнобелорусская, так и западнорусская урбанонимия, заметно пропагандируя мужские ценности и оценки, фиксируют далеко не женское видение мира. Кроме

того, и образ женщины, отражаемый в урбанонимии, в большинстве своем снабжен не женскими характеристиками. Так, в восточнобелорусских урбанонимиконах зафиксированы названия в честь 38-ми женщин, из которых 34 по роду своей деятельности (революционерки, террористка, участницы Великой Отечественной войны, подпольщицы, партизанки) исполняли «мужскую» функцию – участвовали в войнах и революциях. И лишь четыре из них – представительницы мирных профессий: святая небесная заступница *Евфросинья Полоцкая*, космонавтка *Терешкова*, ученая *Софья Ковалевская*, писательница *Евдокия Лось*.

В белорусской, как собственно и в русской, ономастической системе не нашлось места образам женщин, наделенных истинно женскими характеристиками и осуществляющих женские функции (многодетных матерей, воспитательниц, учителей и т.п.).

Сходные черты наблюдаем и в западнорусской урбанонимии: из всей совокупности «женских» годонимов Брянской, Смоленской и Псковской областей, образованных от 17-ти имен, приведенных в ранее цитированном исследовании А.Н. Соловьева, также только четыре имени относятся к представительницам мирных профессий: княгине, святой *Ольге*, ученой *Софье Ковалевской*, космонавтке *Терешковой* и русской эстрадной певице, артистке оперетты Анастасии Вяльцевой.

Отметим также, что с фреквентативной точки зрения женский пласт урбанонимиконов исследуемых белорусских и русских областей четко распадается на две неравнозначные группы: частотные названия и единичные, – первые из которых у обеих сторон включают по шесть онимов, совпадающих в четырех прецедентных именах – ул. *Крупской*, ул. *Лизы Чайкиной*, ул. *Зои Космодемьянской*, ул. *Розы Люксембург*. Все остальные «женские» номинации функционируют в одном, реже в двух, очень редко в трех населенных пунктах и обладают региональным колоритом. Именно они хранят память о выдающихся женщинах, прославившихся на территории конкретных районов, городов или городских поселков: ср. ул. *Азолиной*, ул. *Давыдовой*, ул. *Зеньковой*, ул. *Портновой*, ул. *Суравнёвой* в г.п. *Оболь*, названные в честь партизанок, участниц комсомольского подполья, действовавшего на территории *Обольского района Витебской области* в годы Великой Отечественной войны; ул. *Василисы Кожинной* в г. *Сычевка Смоленской области*, данная в память о местной крестьянке, руководившей партизанским отрядом в 1812 г., и др.

Заключение. Таким образом, анализ имеющегося в нашем распоряжении материала позволяет утверждать, что у гендерной составляющей урбанонимии двух сопоставляемых регионов больше сходств, чем различий. Важными репрезентантами гендерных различий в урбанонимии являются противопоставление «мужских» и «женских» наименований и имеющее многовековую историю своеобразное подчинение женского начала мужскому. Отражение номинативного опыта народов-соседей, их взаимовлияний даст возможность объективного взгляда на специфику проявления гендерной составляющей восточнобелорусских и западнорусских приграничных урбанонимиконов.

1. Гендерная лингвистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Гендерная лингвистика](https://ru.wikipedia.org/wiki/Гендерная_лингвистика). – Дата доступа: 22.01.2021.

2. Мезенка, Г.М. Жаночыя назвы гарадскіх вуліц у Беларусі / Г.М. Мезенка // Беларуская мова: Міжвед.зб. Вып.16. – Мінск, 1988. С.36-41; Мезенко, А.М. Реализация гендерных отношений в годонимии / А.М. Мезенко // Веснік ВДУ імя П.М. Машэрава. – 2007. – № 3 (45). – С. 53-58.

3. Соловьев, А.Н. Мемориальные названия в честь женщин в западнорусской урбанонимии / А.Н. Соловьев // XIV Поливановские чтения: материалы международной научной конференции (Смоленск, 29-30 октября 2020 года) / отв. ред. И.А. Королева. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2020. – С. 205-211.

СОСТАВЛЕНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В ПРОЦЕССЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

С.В. Николаенко
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Совершенно очевидно, что цифровизация всех областей человеческой деятельности не просто наступает, а уже занимает лидирующие позиции в том числе и в образовательном процессе. Можно проводить сколько угодно дискуссий по поводу неприемлемости использования цифровых методов в методиках и при изучении филологических дисциплин. Но, на наш взгляд,